

НЕПРЕДЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЕДИНСТВО, ДИХОТОМИЯ ИЛИ ГРАДУАЛЬНОСТЬ?*

© 2009 г. Е. В. Горбова

В статье ставится вопрос о (не)целесообразности раздельного рассмотрения в рамках акциональной классификации не соотнесенных с пределом русских глаголов в виде двух противопоставленных классов, как это обычно предлагается в типологически ориентированной литературе. В целях решения этого вопроса анализируется ряд диагностических процедур, предположительно способных выявить различие между состояниями и непредельными процессами. На основе проведенного анализа делается вывод о неприемлемости строго дихотомического подхода к непредельным русским глаголам.

The article addresses the issue of whether or not it is worthwhile to split Russian atelic verbs into two separate actionality classes, as it is usually proposed in typology-oriented literature. To find an adequate solution, a number of test procedures that might be used to reveal the difference between states and atelic processes (Vendlerian activities) are analyzed. The analysis shows the infeasibility of a strictly dichotomic approach to Russian atelic verbs.

Начнем с хорошо известного факта: в русском языке на уровне пересечения с “открытой” грамматикой (видовой оппозицией) все не соотнесенные с пределом глаголы обнаруживают одинаковое поведение, являясь глаголами *imperfectiva tantum* (если, как это традиционно и трактуется в русской аспектологии, не считать видовыми параметрами случаи типа *лежать – полежать, гулять – погулять*, т.е. не рассматривать делимитативный дериват в качестве парного перфектива к исходному имперфективу¹). Тем не менее в семантике и в рамках так называемой лексической аспектуальности уже сложилась традиция выделять среди непредельных глаголов два класса – стативы и агентивы (в принятой здесь номенклатуре, в другой терминологии – состояния и (непредельные) процессы).

Здесь необходимы терминологические пояснения. Агентив – один из терминов (терминативы, агентивы, стативы и моментативы), предложенных В.П. Недялковым [3, с. 126] в качестве “переводов” выделенных З. Вендлером (см. [4]) акциональных классов глаголов – Accomplishments, Activities, States и Achievements соответственно. Мы используем все указанные наименования, хотя среди них “агентив” является наименее корректным: термин мотивирован и вызывает

ассоциации с агентивностью, т.е. свойством, присущим Агенсу (=активность, контролируемость, волитивность). Тем самым он оказывается нежелательно узким, поскольку в данный класс входят также инактивные непредельные процессы, а оппозиция активность/инактивность не актуальна для предлагаемой классификации. (В рамках классификации З. Вендлера термин Activities появился, как отмечает Е.В. Падучева [5, с. 30], в силу того, что Вендлер “интересовался только глаголами с субъектом-лицом”).

Обратимся к некоторым имеющимся в литературе положениям. З. Вендлер различает обсуждаемые классы по признаку возможности (для Activities – агентивов) / невозможности (для States – стативов) образования прогрессивной формы (речь идет о глагольной лексике английского языка). Для русского языка этот признак трансформируется в признак возможности/невозможности употребления формы НЕСОВ(ершенного вида) соответствующих глаголов в актуально-длительном значении. В трактовке В.П. Недялкова эти два класса различаются по признаку “+/- обозначение действия”. В статье Ю.Д. Апресяна [6, с. 58–60] приводится целый ряд свойств, отличающих “стативные глаголы” от всех других аспектуально-семантических групп: невозможность или ограниченная возможность образования форм императива, несочетаемость с наречиями образа действия и наречиями скорости и градуальности, невозможность находиться в области действия предикатов типа *делать, заниматься* и несочетаемость с модальными глаго-

* Работа выполнена при поддержке гранта НШ-1242.2008.6.

¹ Впрочем, в рамках концепции “видовых гнезд” Лоры Янды (см. [1, 2]) делимитатив рассматривается как один из 4-х видов перфективов (так называемый *комплексный перфектив*). Однако в качестве традиционного этот подход пока не может быть рассмотрен.

лами типа *позволять, велеть, приказывать*, невозможность употребления форм НЕСОВ таких глаголов в актуально-длительном и профетическом значениях и другие.

При этом некоторые свойства у агентивов и стативов признаются общими. Одно из них, отмеченное еще З. Вендлером (см. также статью Х.Р. Мелига [7, с. 230–231]), – несочетаемость с инклюзивными обстоятельствами времени типа *за <в> два часа*; другое, проявляющееся на материале русского языка, – отсутствие соотносительных форм СОВ(ершенного вида) со стандартными типами видового противопоставления, иными словами – статус *imperfectiva tantum* [8, 9] (и вытекающая отсюда и для стативов, и для агентивов невозможность обозначения следующих друг за другом событий при сочинении, отмеченная Ю.Д. Апресяном в [6, с. 59]). Примечательно, что в качестве причины невозможности “чистой перфективации” непарных глаголов НЕСОВ Ю.С. Маслов называет такие общие для всех русских глаголов этого разряда черты, как “невозможность моментализации и внутренняя беспредельность процессов” [9, с. 80]. Отметим также тот факт, что в аспектуально ориентированной классификации Ю.С. Маслова, в отличие от фундаментальной классификации предикатов Ю.Д. Апресяна (см. [10, с. 75–110]), глаголы “чувства и эмоционального состояния” распределяются по двум различным классам. Такие глаголы, как *любить, ненавидеть, обожать, презирать, ревновать* и подобные, относятся к одному классу (“непарных глаголов несовершенного вида” [9, с. 78–79]). А парные по виду “глаголы переживаний и психических состояний, которые могут мыслиться и как длительные, и как кратковременные: *волноваться/взволноваться, стыдиться/устыдиться, сомневаться/усомниться, <...> радоваться/обрадоваться*” [9, с. 87], – к другому. Это вторая группа – “глаголы непосредственного, непрерывного эффекта” – третьего разряда, включающего соотносительные глаголы совершенного и несовершенного вида [9, с. 83, 86]. Вслед за Ю.С. Масловым я склонна включать в класс стативов-состояний только глаголы *imperfectiva tantum*.

Основным, по-видимому, в различии между стативным и агентивным акциональными классами является отношение к признаку “обозначение действия”. Все остальные специфические свойства стативов, как представляется, могут быть выведены из основного – отрицательного значения (“–”) признака “обозначение действия” (см. приведенное выше мнение В.П. Недалкова). Семантическая категория “действие” характеризуется положительным значением признаков

активности (и волитивности) субъекта, признака, варьирующего в различных языках и весьма зависимого от субъективного взгляда говорящего на ситуацию². Этим обстоятельством, по-видимому, объясняются случаи, казалось бы, незакономерного употребления глаголов, обычно относимых к стативным, в ситуации процессной репрезентации действия, его актуализации, ср.:

(1) – *Что здесь делает твоя рубашка? – Как что? Лежит.*

Несомненно, такое словоупотребление оценивается слушающим и осознается говорящим как языковая игра, сознательно допущенная ломка общепринятого представления об отрицательной активности субъекта “рубашка”. Ср. пример из [13, с. 45], где говорящий также идет вразрез с представлениями об отсутствии активности у первого актанта ситуации “любить”:

(2) *Но позвонил он с площади. – Ты спишь? – Нет, я не сплю. – Не спишь, а что ты делаешь? Ответила: – Люблю (Л. Мартынов).*

О противоположном явлении – переходе процесса в состояние при условии снятия динамики – речь идет в работе, где представлена фундаментальная классификация предикатов, одним из важнейших свойств которой является размытость границ между классами вследствие того, что “классы могут пересекаться друг с другом и по горизонтали, и по вертикали” [10, с. 81, 85].

Тем не менее, и в первую очередь в рамках аспектологии (той ее области, которая в последние годы стала именоваться акциональностью, а ранее называлась лексической аспектуальностью), достаточно традиционным является проведение границы между стативами-состояниями

² С.Е. Яхонтов (см. [11]), описывая противопоставление глаголов действия и не-действия в китайском языке, отмечает, что основным семантическим признаком глаголов не-действия, представленных глаголами существования, мысли, чувства и ощущения с такими значениями, как ‘знать’, ‘помнить’, ‘ощущать боль’, ‘бояться’, некоторыми модальными, связочными глаголами со значениями ‘называться’, ‘считаться’, ‘быть похожим на’ и т.п., оказывается независимость обозначаемого ими состояния от воли субъекта, вследствие чего глаголы со значением типа ‘стоять’, ‘жить’, ‘спать’ включаются в число глаголов действия, хотя и в качестве особой подгруппы.

Дж. Миллер [12] также выделяет две группы глаголов состояния в русском языке (*stative verbs* типа *знать, любить, нравиться* и *static verbs* типа *лежать, стоять* и т.п.), более или менее аналогичные группе глаголов не-действия и особой подгруппе глаголов действия в классификации китайских глаголов у С.Е. Яхонтова: *stative verbs*, в отличие от *static verbs*, не могут служить ответом на вопрос “Что он делает?” (*он знает, *он владеет и т.д.) – действие не может производиться субъектом независимо от его воли.

и агентами-(непредельными) процессами. Рассмотрим более подробно основания для такого разделения.

Знаменательно признание существующего положения вещей в коллективной монографии [14], где глава, посвященная акциональности, написана С.Г. Татевосовым: “Разграничение состояния и процесса – вопрос, вызывающий среди семантистов противоречия и споры” [14, с. 217]³.

Далее, со ссылкой на интуицию и на мнение Б. Комри [16], (непредельный) процесс, в отличие от состояния, характеризуется как динамическая, предполагающая изменение во времени ситуация, требующая притока энергии для своего осуществления: “Более строго разграничить процессы и состояния, однако, довольно трудно – многие исследователи (см., например: [17, 16, 18]. – Е.Г) попросту рассматривают противопоставление процессов и состояний как онтологическое, не сводимое ни к каким более элементарным противопоставлениям” [14, с. 217]. Тем не менее в рамках концепции акциональности С.Г. Татевосова и его последователей различие непредельности состояния и процесса все же проводится. Для дальнейшего анализа языкового материала в обсуждаемой работе принимаются следующие соображения относительно разграничения этих двух акциональных значений: “Во-первых, процессы, как и состояния, аддитивны⁴. <...> Во-вторых, процессы регулярно отличаются от состояний отсутствием строгой подразделимости”. Вместе с тем “существуют ситуации, которые являются строго подразделимыми, однако отнесение их к состояниям явно противоречит интуиции”, например, “глаголы неагентивного перемещения в пространстве или изменения свойства, как, например, *двигаться* или *краснеть* в русском языке”.

³ Ср. также: “Многие языковые факты явственно указывают на то, что не только исполнения (accomplishments) и достижения (achievements) образуют естественный класс (событий), но также состояния (states) и (непредельные) процессы (processes), по крайней мере, в определенных отношениях, обнаруживают существенное семантическое и синтаксическое сходство в своем поведении. Следовательно, на более высоком уровне классификации различаются два основных класса глагольных предикатов и высказываний: события, которые являются предельными, или квантованными, и состояния и процессы – непредельные, или кумулятивные” [15, p.16].

⁴ Аддитивность (или кумулятивность) здесь понимается – вслед за лингвистами, работающими в области семантики событий (см., например [19, 17, 20, 21, 22, 16, 23]) – следующим образом: “Предикат обладает свойством аддитивности тогда и только тогда, когда выполняется следующее условие: если этот предикат содержит в своем экстенционале сущности x и x' , то сущность $x \sqcup x'$, являющаяся мереологической суммой x и x' , также содержится в его экстенционале” [14, с. 216].

Далее, вслед за Б. Тэйлором [24], вводится разделение процессов “на две группы – гомогенные (типа ‘краснеть’ и ‘падать’) и гетерогенные (типа ‘бежать’, ‘плавать’, ‘танцевать’)” при очевидной нерелевантности отношения к предельности (цит. по [14, с. 218]). Понятно, что для различения гомогенных процессов и состояний свойства подразделимости оказывается недостаточно, поскольку “требуется сделать эксплицитной интуицию о том, что при осуществлении процессов что-то меняется”. С этой целью используется идея Б. Тэйлора о выявлении сути изменения при помощи сравнения положения вещей не менее чем в два разных момента времени. Тогда предикаты – состояния (не предполагающие изменений) оказываются истинными в одной точке (типа *находиться в Нью-Йорке*), в отличие от предикатов – гомогенных процессов (типа *двигаться по дороге*) [14, с. 217–219].

Итак, для демаркации состояний и (непредельных) процессов предлагается одновременно использовать критерии строгой подразделимости (характерна для состояний, но и для гомогенных процессов) и истинности в точке (характерна для состояний, но не для гомогенных процессов). Каковы те диагностические процедуры, которые позволяют воспользоваться этими критериями, не поясняется. Как и статус отмеченной в рамках этого же раздела [14, с. 217] неагентивности аргументов состояния, что не позволяет ответить, в частности, на следующий вопрос: как охарактеризовать предикат, относительно которого мы (интуитивно, по-видимому) констатировали наличие строгой подразделимости, истинность в точке, но и агентивность аргумента, например, *смотреть* в высказывании *Она напряженно (не отводя глаз) смотрела в одну точку?* По первым двум критериям глагол, по-видимому, должен быть охарактеризован как состояние, а по агентивности аргумента – как процесс⁵.

В этой связи очень интересным представляется вывод Ю.П. Князева о взаимной независимости признака фазовости/нефазовости (=изменяемость/неизменность ситуации на всем протяжении) и агентивности/неагентивности, вследствие чего “возможны и широко употребительны как сочетания нефазовости с агентивностью, так и

⁵ Этот аргумент является агентивным, если под агентивностью понимать сочетание волитивности и контроля, предполагающее одушевленность. Если же агентивность понимать как свойство Агенса в узком смысле, предполагающее наличие контролируемых изменений в положении вещей и отличного от Экспериенцера, то об агентивности говорить в этом случае не приходится. Благодарю за это наблюдение С.С. Сая.

сочетания фазовости с неагентивностью» [25, с. 475]. Ср. с мнением Ханны Филип: «...пятое семантическое различие, понятие “агентивности”, “перпендикулярно” (is orthogonal) предыдущим четырем, так, что каждый из этих четырех классов в дальнейшем разделяется на агентивные и неагентивные предикаты. Однако “агентивность” менее важна для классификации глагольных предикатов, чем, по-видимому, предполагается, исходя из ее акцентированного положения в системе Даути» [15, р. 31]. Показательно также и обобщающее суждение автора: «<...> критерий “агентивности” затемняет (muddies) классификацию в классификационной сетке как Вендлера, так и Даути, и в общем его следовало бы избегать [15, р. 33]»⁶. Ниже мы рассмотрим несколько имеющихся в литературе наблюдений с точки зрения их возможности обосновать диагностические процедуры, направленные на различение в русской глагольной лексике состояний (=стативов) и неопредельных процессов (=агентивов).

1. Способность к делимитативной деривации

Е.В. Падучева полагает: “На первый взгляд неожиданным образом возможность образования производного делимитатива диагностирует Т(аксономическую)-категорию мотивирующего глагола: делимитативные производные образуются, с помощью приставки *по-*, почти исключительно от глаголов деятельности, ср. *побеседовать*, *побродить*, *поискать*, *поплавать* и т.п. (*побеседовал* – ‘начал беседовать, беседовал некоторое время и кончил’). <...> [Д]елимитативы невозможны от глаголов свойства (глагола *повесить* в значении ‘начать весить, весить и перестать’ не существует) и от глаголов устойчивого состояния: *полюбить* не может значить ‘любить в течение некоторого времени и перестать’). <...> Способность мотивировать делимитатив дает один из самых показательных тестов, отличающих деятельности от постоянных свойств и состояний. Так, *любоваться*, *смотреть* (деятельности) дают *полюбоваться*, *посмотреть*, а *видеть* (состояние) – невозможное **повидеть*. Даже временные состояния с делимитативным показателем практически не сочетаются (Я **поболел*, **помок*, **поприсутствовал*)

⁶ При подходе, в соответствии с которым агентивности не существует вне ее противопоставленности пациентивности в рамках той же пропозиции [26], об агентивности имеет смысл рассуждать в гораздо более редуцированном количестве случаев. На фоне появления третьего варианта понимания агентивности отметим желательность (и, по-видимому, затрудненную достижимость) унификации понятия агентивности в современной лингвистике.

(это утверждение мне не представляется бесспорным. – Е.Г.), в том числе и состояния наблюдения”. Делимитатив, образованный от инактивного процесса (*побить* <о фонтане>, *поцвести*, *погрозиться*) требует серьезной поддержки контекста для своей реализации, “тогда как от глаголов деятельности делимитатив образуется почти без ограничений”. И далее: «...связь делимитативного показателя с Т-категорией деятельности имеет семантическую основу: идея начала и конца, входящая в семантику делимитатива, согласуется с возможностью субъекта деятельности начать и кончить деятельность в соответствии со своим намерением; между тем начало и конец процесса зависят от завуалированного каузатора и “покрыты мраком неизвестности”» [27, с. 145–146].

Однако следует отметить, что невозможность делимитативных (и пердуративных) дериватов от “некоторых непарных глаголов НСВ” (**поненавидеть*, **полюбить некоторое время*, **пролюбить*, *проненавидеть всю свою жизнь кого-нибудь*) отмечалась еще в указанных работах Ю.С. Маслова (см. [8, 9, с. 81]), а также, в частности, в [6, с. 59]. Эти наблюдения позволяют сформулировать следующую диагностическую процедуру, направленную на различение состояний (стативов) и неопредельных процессов (агентивов):

- (1) Способность/неспособность к образованию делимитативов: агентивы, в отличие от стативов, обнаруживают делимитативную деривацию.

Ср.: *гонять* – *погонять*, *бегать* – *побегать*, а также *сидеть* – *посидеть*, *лежать* – *полежать*, *спать* – *поспать*, *стоять* – *постоять* (но не *постоять за Родину*); с другой стороны – *любить* – **полюбить*, *знать* – **познать*). В последних случаях делимитативное значение весьма сомнительно даже при поддержке контекста: *???*Ваня дня три полюбил Машу, а потом разлюбил, потому что встретил Надю*. Из этого следует, что *любить* и *знать*, в отличие от *лежать*, *сидеть*, *стоять*⁷ и *спать* являются стативами (состояниями), т.е. именно таким образом трактуются в русской языковой картине мира.

В связи с этим интересными представляются выводы исследования [28], проведенного на материале русской разговорной телевизионной речи

⁷ Ср. с аналогичным выводом Е.В. Падучевой: “Сочетаемость с делимитативной приставкой – один из аргументов, заставляющих причислить глаголы *сидеть*, *лежать*, *стоять* к действиям” [27, с. 146]. Впрочем, именно при делимитативной деривации от глаголов, обозначающих положение в пространстве, может оказаться решающей агентивность соответствующего аргумента, ср.: *я полежал и пришел в себя*, но **книга полежала на столе и упала*. Благодарю С.С. Сая за это наблюдение.

(выборка объемом 41 делимитатив и 2 пердуратива на основе текстов ток- и реалити-шоу “К барьеру”, “Культурная революция”, “Большой брат”, “Семь под солнцем”), целью которого явилась проверка эффективности сформулированной выше диагностической процедуры для различения стативов и агентивов. Было показано, что кроме ожидаемой делимитативной (и пердуративной) деривации от глаголов, относимых в рамках фундаментальной классификации предикатов Ю.Д. Апресяна [10, с. 75–110] к ДЕЙСТВИЯМ (*писать* – *пописать*, в нашем материале, например: *махать* – *помахать*, *орать* – *поорать*, *пить* – *попить*), ДЕЯТЕЛЬНОСТЯМ (*воевать* – *повоевать*, в нашем материале: *экспериментировать* – *поэкспериментировать*) и ЗАНЯТИЯМ (*кататься* – *покататься*, в нашем материале: *тусоваться* – *потусоваться*), она характерна и для русских глаголов, относящихся к классам ПОЛОЖЕНИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ (*сидеть* – *посидеть*, *лежать* – *полежать*; то же в нашем материале, плюс – *валяться* – *поваляться*) и подгруппе класса СОСТОЯНИЙ, а именно – волевых и эмоциональных состояний (*радоваться* – *порадоваться*, *грустить* – *погрустить*, *сердиться* – *посердиться*, *стесняться* – *постесняться*; ср.: – Ну и как же Петенька с незнакомыми ребятами играть будет? Ведь он такой стеснительный! – Ничего, **постесняется** немного, да и привыкнет...; Ася **погрустит** несколько недель, несколько месяцев и забудет все (Н.Г. Чернышевский); Ты **поживи**, **порадуйся** на свете, потом приходи ко мне (И.А. Бунин)). На этом основании был сделан вывод о “градуальности выражения характеристик стативности и процессности у разных предикатов”, которая «не позволяет нам с достаточной степенью уверенности постулировать способность глаголов к образованию делимитатива и пердуратива в качестве абсолютного критерия для разграничения стативных и агентивных глаголов. Скорее можно говорить о той или иной степени выраженности у глагольных предикатов свойства процессности и констатировать невозможность такой деривации от прототипических (“чистых”) стативов» [28, с. 16]. Также был сделан вывод о характерности делимитативов в первую очередь для разговорного языка, в рамках которого расширяется класс глагольной лексики, способной к такой деривации, ср.: *пожасждать*, *позовглавлять* правительство еще пару каденций; ну, какое-то время может и *попроисходить* (продолжительность этого периода предсказывать не берусь) что-либо эдакое; Неизвестно только, как долго *подлится* это “счастье” (поисковая система “Google”) [28, с. 16–17].

По-видимому, при применении данной диагностической процедуры мы можем получить не дихотомию, а шкалу, в экстремумах которой будут располагаться прототипические для данного языка стативы-состояния и агентивы-(непредельные) процессы.

II. Реализация профетического значения при сочетаемости с граммемами НАСТ.НЕСОВ

По словам Ю.Д. Апресяна, стативные глаголы “не сочетаются со значением предстоящего действия граммем *наст. несов* (**Завтра я это знаю*)” [29, с. 64] (в [10, с. 90–91] – профетическое значение). Основываясь на этом наблюдении, можно сформулировать следующую диагностическую процедуру:

- (2) способность/неспособность реализовать профетическое значение в НАСТ.НЕСОВ: *Завтра я мою полы*, ?*Завтра я сплю (весь день)*, ?*Завтра я стою (в очереди, на голове)*, но не **Завтра я люблю Машу*, **Завтра я знаю математику*⁸.

Относительно данной диагностической процедуры можно предложить следующий комментарий. Во-первых, не обладает бесспорной приемлемостью ?*Завтра мы гуляем в парке* (будем гулять – лучше), при явной отнесенности *гулять* к агентивам по всем другим критериям. Хотя в ряду последовательных запланированных⁹ действий уровень приемлемости существенно повышается, ср.: *Завтра мы гуляем в парке, обедаем, идем на стадион*. (Ранее аналогичное наблюдение было сделано М.Я. Гловинской: “Способствует употреблению глагола в этом значении [настоящего предстоящего. – Е.Г.] сочинительный контекст” [30, с. 167].)

При введении же в пропозицию с анализируемым предикатом эксплицитного указания на место

⁸ Строго говоря, из отмеченного Апресяном (см. [29, с. 64] и [6, с. 59]) запрета на сочетаемость стативной глагольной лексемы с граммемами НАСТ.НЕСОВ в данном значении напрямую не следует того, что при наличии данной сочетаемости лексема должна быть охарактеризована как агентивная (непредельный процесс). Однако если мы исходим из того, что все непарные русские глаголы несовершенного вида без остатка распределяются между этими двумя классами, такой вывод представляется оправданным. Противоположное решение – о нестативном, но и не обязательно агентивном статусе глагола при непрохождении данного теста – ведет к необходимости вводить еще один класс, т.е. также способствует континуальности этой части акциональной классификации.

⁹ Планирование, вообще говоря, можно рассматривать как частный случай контролируемости, – наблюдение проф. В.Б. Касевича (личное сообщение).

данного действия в ряду других грамматичность достигает нормативного уровня, ср.: *Завтра мы сначала гуляем в парке, потом обедаем, потом идем на стадион*. Тем не менее, если проделать все указанные трансформации с глаголами типа *знать* и *любить*, окажется, что аналогичного повышения приемлемости не происходит, ср.: **Завтра я (сначала) знаю математику, потом люблю Машу* (при сохранении значения глагола *любить* как глагола эмоционального состояния).

Эти наблюдения подводят к выводу о том, что причиной сочетаемостных ограничений в данном случае является не только (и, возможно, не столько) требование наличия контролируемости ситуации его первым актантом (*гулять* vs. *знать*), а отношение ситуации к таким параметрам, как реализуемость в обычных/сверхдолгих интервалах и/или наличие строгой временной локализации (термины Е.В. Падучевой, см. [27, с. 147]) – *влюбиться* vs. *любить*, ср.: *Завтра я узнаю последние новости, влюбляюсь в Машу, осознаю все нелепость происшедшего...* Последнее высказывание представляется в достаточной степени приемлемым, несмотря на весьма спорную контролируемость ситуации во всех трех клаузах, именно вследствие соотнесенности не со сверхдолгим, а с обычным временным интервалом.

В связи с этим констатируем, что диагностика, основанная на реализации/нереализации значения предстоящего действия в презентной форме НЕСОВ, во-первых, должна использоваться только в рамках одной клаузы, а во-вторых, апеллирует, по-видимому, в первую очередь не к свойству агентивности (=контролируемости ситуации со стороны первого актанта, волитивности¹⁰), а к характерной для стативов соотнесенности со сверхдолгими интервалами (это утверждение неверно для волевых и эмоциональных состояний типа *грустить*, *сердиться*, ср. **Завтра я грущу* [10, с. 95], включаемых в рамках фундаментальной классификации предикатов в класс состояний). По-видимому, соотнесенность со сверхдолгим интервалом является достаточным, хотя и не необходимым условием для блокирования у глагола значения предстоящего действия.

¹⁰ Агентивность в обсуждаемом смысле может быть приравнена к контролируемости только в прототипических случаях, при этом не исключены ситуации, когда при наличии агентивности будет отсутствовать контролируемость, ср.: *Не сломай игрушку!* В приведенном примере агентивность имеется (поскольку наличествует Агенс), а контролируемость если и не совсем отсутствует, то очень низка (чем и обусловлен призыв говорящего взять ситуацию под контроль и не допустить ее неблагоприятного развития). Данным наблюдением я обязана проф. В.Б. Касевичу.

Следует, однако, отметить, что соотнесенность со сверхдолгими интервалами характерна, по свидетельству Е.В. Падучевой, не только для стативов, но и для глаголов занятия (они действуют в сверхдолгих интервалах или нескольких раундах наблюдения) и поведения, свободных от строгой временной локализации [27, с. 147]. Таким образом, либо данная диагностика не способна разделить глаголы на классы стативов-состояний и агентивов-(непредельных) процессов, либо мы получаем косвенным образом свидетельство того, что занятия и поведения некоторым образом сближаются со стативами (за исключением обозначающих волевые и эмоциональные состояния), обнаруживая одинаковую соотносимость со сверхдолгими интервалами. Ср.: **[???] Завтра я воюю / команду / <армией> / кочую / правлю <страной> / питаюсь (правильно) / преподаю (математику) / путешествую / служу (в театре) / сотрудничаю (с соседним отделом) / спекулирую / сужусь / торгую / ухаживаю <за больным> / учительствую / царствую / шефствую (глаголы-занятия из [27, с. 149]); *[???] Завтра я афиширую / балую(сь) / бездействую / безобразничаю / бешусь (от бессилия) / бесчинствую / важничаю и т.д. (глаголы-поведения из [27, с. 150]; заключенные в круглые скобки участники ситуации были добавлены мною. – Е.Г.).*

III. Сочетаемость с фазовыми глаголами

По словам В.В. Богданова, “фазисность может присутствовать в семантике даже тех высказываний, которые исключают всякую идею субъекта. Ср.: 2. а) *Начинает рассветать* при недопустимости подобных высказываний с оптативными и модальными глаголами; б) **Хочет рассветать*; в) **Может рассветать*.”

Понятие фазы немислимо без понятия времени, поэтому стальные предикаты обычно не сочетаются с фазовыми глаголами; ср.: 3. а) **Иван начинает быть добрым*, в то время как процессуальные предикаты сочетаются, ср. б) *Иван начал доброту <...>* [31, с. 144]. (Как видим, здесь (когнитивное) понятие фазисности выявляется через лингвистическую сочетаемость с фазовыми глаголами, что в дальнейшем и позволит сформулировать диагностическую процедуру; следует оговорить также ограничение круга фазовых глаголов лексемами *начинать/начать, продолжать/продолжить и кончать/кончить*.)

“Значение фазисности в самом общем виде присуще практически любому предикату, кроме стального (всякий процесс или действие имеет начало и конец)” [31, с. 146].

Основываясь на этих наблюдениях и утверждениях, формулируем следующую диагностическую процедуру:

- (3) Способность (у процессов)/неспособность (у состояний) сочетаться с фазовыми глаголами: *Он начинает (начал) писать статью* vs. **Он начинает (начал) знать математику*, **Он начинает (начал) находиться в Самаре*, **¹Он начинает (начал) любить Машу*, *?? Он начинает спать (начал спать)*.

Однако высказывания типа *??Он начинает (начал) гулять в парке* также далеко не идеальны, русский язык предпочитает *Он идет (пошел) гулять в парк*, обозначая начало соответствующей агентивной ситуации (налицо и процессность, и контролируемость ситуации со стороны первого актанта) при помощи глагола движения, сочетающего при таком употреблении и обозначение начала ситуации и волитивность ее участника.

С другой стороны, не совсем ясно, почему “всякий процесс или действие имеет начало и конец”, а состояние их лишено. Специфика неопредельного процесса (в отличие от предельного), так же, как и специфика состояния, вовсе не способствует обозначению границ и, соответственно, более легкой сочетаемости с фазовыми глаголами. Действительно, ни такие (обозначаемые глаголами) процессы-денотаты, как *Садовник толкает тачку*, *Идет дождь*, ни такие состояния-денотаты, как *Усадьба принадлежит господину Х.* или *Студент П. отлично знает этот предмет*, не предопределяют своих границ – ни левой (начала), ни правой (конца) в том смысле, в котором правая граница предопределена предельными процессами (называемыми здесь терминативами), такими как *Х. надевает пальто*. Однако общечеловеческий опыт подсказывает говорящему, что все преходящее в этом мире, следовательно, любое явление, любая ситуация имеет свое начало и свое завершение.

Возвращаясь к неприемлемости высказываний **Он начинает (начал) знать математику* (равно как и сомнительности *??Начинает (начал) идти дождь* или *??Садовник начинает (начал) толкать тачку*), отметим, что дело, по-видимому заключается в том, что язык в этих случаях концептуализует и закрепляет обозначение начала соответствующих ситуаций (переходы в соответствующие состояния и/или процессы) за отдельными лексемами: для *знать* – *изучить* или *научиться*, для *идти* (*о дожде и снеге*) – *пойти*, для *толкать* (*тачку*) – *покатить*, для *находиться* (с одушевленным актантом) – *прийти* или *приехать* и т.д. Переходы в эти ситуации могут быть представ-

лены в языке либо как мгновенные (и концептуализующие их глаголы будут относиться к классу моментативов), либо как имеющие некую протяженность и направленные на достижение своего естественного результата (= возникновения новой ситуации). В последнем случае обозначающие смену ситуации глагольные лексемы являются предельными процессами, как в случае *изучать/изучить*. Также парный по виду глагол *приходить/прийти* (*приезжать/приехать*) обозначает в форме НЕСОВ не направленный на достижение результата процесс, а точечный результат в обеих видовых формах, являясь моментативной видовой парой (Achievement по З. Вендлеру).

Приблизительно аналогичную картину можно видеть и в отношении обозначения конечной фазы как состояний, так и (неопредельных) процессов: для *знать* – *забывать/забыть* (терминатив), для *толкать* – *останавливать/остановить* (терминатив), для *находиться* (с одушевленным актантом) – *уходить/уйти* (моментатив) или *уезжать/уехать* (моментатив).

В свете сказанного сочетаемость с фазовыми глаголами как диагностическая процедура для разделения состояний (стативов) и (неопредельных) процессов (агентивов) представляется не вполне адекватной, поскольку объяснение “несочетаемости” (или недостаточного уровня сочетаемости) состояний с фазовыми глаголами связано, как представляется, не со специфическими особенностями стативности как таковой, а с предпочтительным использованием (в русском языке) лексикализации для кодирования начальной и конечной фаз неопредельных ситуаций. Лексикализация же имеет в данном случае очень большое значение, поскольку акциональность определяется относительно глагольной лексемы, т.е. в рамках словоизменительной парадигмы моносемичной единицы. При выходе за пределы этой парадигмы мы вынуждены (в соответствии с принятыми установками) отдельно определять акциональную характеристику уже другой глагольной лексемы. Причем тот (возможный) факт, что глагольные лексемы обозначают последовательные стадии (или фазы) одной денотативной ситуации, представляет уже только типологический интерес в смысле потенциального несовпадения при концептуализации (“нарезке”) внеязыковой действительности в глагольной лексике различных языков.

Здесь уместны будут две оговорки. Во-первых, предложенный вывод опирается на материал русского языка и в силу этого не может быть понят расширительно и без специального анализа перенесен на материал любого другого языка.

Во-вторых, как особые лексикализованные способы обозначения начальной и (в меньшей степени) конечной фазы неопредельных ситуаций в русском языке можно, как думается, трактовать и отдельные дериваты, традиционно относимые к способам действия. Речь идет о случаях типа *запеть* для *петь*, *забегать* для *бегать*, *побежать* для *бежать*¹¹ (т.е. начинательный, или ингрессивный, способ действия), а также о случаях типа *отбегать*, *отпеть* и т.д. (финитивный способ действия). Интересно отметить, что такая деривация (как способ обозначения фаз) в первую очередь характерна для процессов, а не для состояний. По-видимому, это объясняется когнитивными причинами: лексикализованное (однословное) обозначение фаз говорит о большей востребованности сочетания семантических компонентов начало + процесс; процесс + его конец. Как было показано выше, сочетание смыслов начало + состояние (равно как и состояние + его конец), не являясь запрещенным с точки зрения логики реального мира и его восприятия, все же реализуется в русском языке относительно редко – причем если реализуется, то в виде аналитической конструкции с фазовыми глаголами, и является явно маргинальным, на грани (или за гранью) приемлемости. Чаще наблюдается лексикализация обозначения обрамляющих фаз состояний, т.е. переход в это состояние и выход из него. Интересно, что тенденция к лексикализации (в первую очередь начальной фазы) усиливается по мере движения в сторону инактивности: от деятельности Агенса с присущей ей волиитивностью и контролируемостью в рамках предельного, направленного на достижение естественного результата процесса (*строить дом* – *начать строить дом*; ср., впрочем, *петь песню* – *начать петь песню* и *запеть песню*), через неопредельный процесс (альтернативная трактовка – состояние) с одушевленным (*сидеть* – *начать сидеть*¹² и *сесть*), а потом и неодушевленным субъектом (*капать* (о дожде) – *начать капать* и *закапать*) к состоянию с прототипически инактивным субъектом

(*находиться* – *оказаться/попасть* (наряду с *прийти/приехать*, соотносимыми уже с активным субъектом) и **начать находиться*).

Итак, рассмотрение отмеченных в литературе сочетаемостных особенностей (неопредельных) процессов и состояний позволяет сделать вывод о том, что сформулированные на их основе диагностические процедуры не обладают желаемым уровнем эффективности и, следовательно, не могут с достаточной степенью уверенности дифференцировать состояния и (неопредельные) процессы. Максимальный результат, которого можно достичь с помощью применения рассмотренных диагностик, – это постулирование тенденции, в соответствии с которой (неопредельные) процессы более склонны к образованию делимитативов, реализации значения предстоящего действия в презентной форме НЕСОВ и сочетанию с фазовыми глаголами, чем состояния. Соответственно, вместо двух отграниченных друг от друга акциональных классов имеет смысл ввести шкалу, на экстремумах которой будут располагаться наиболее типичные (прототипические) состояния-стативы и (неопредельные) процессы-агентивы. Такие прототипические представители этих двух классов, как, например, *знать* для состояний и *работать* для процессов, будут демонстрировать прагматически немаркированное функционирование относительно рассмотренных диагностических тестов, в то время как глаголы, удаленные от обоих полюсов, в случае употребления в не совсем типичных для себя контекстах будут прагматически маркированы. Ср.:

(3) а. *Поработать* немного, а потом отдохнуть.

б. *Завтра с утра я работаю*, а во второй половине дня мы идем в музей.

с. Он уже начал *работать*.

(4) а. **Познать* немного, а потом забыть.

б. **Завтра я уже знаю* всю географию.

с. **Он уже начал знать* географию.

(5) а. *Посидим* немного, а потом дальше пойдем.

б. *Завтра с утра я сижу* в читальном зале, а потом иду на экскурсию.

с. **Он уже начал сидеть*.

(6) а. *Погрустила* немного, а потом и успокоилась.

б. **Завтра с утра я грущу*, а потом мы все вместе идем в кино.

с. Она начала *грустить*.

¹¹ Ср. со сходными наблюдениями Е.В. Падучевой. Комментируя запрет на употребление форм НЕСОВ буд(ущего времени) от глаголов движения (**Завтра я буду идти к зубному врачу, ехать в Крым на фоне приемлемости Завтра я буду строить гараж, писать тезисы на конференцию*), автор приводит следующее соображение: “Дело в том, что у глаголов направленного движения начинательное значение выражается идиоматично – в словообразовании (ср. *поеду, пойду* и *построю, напишу*), и форма НСВ буд. исключается по принципу системного вытеснения – как **коровина* из-за *говядина*, при потенциально возможном *ежасина, барсучина*” [32, с. 79].

¹² Впрочем, в метаязыке семантики такие фазовые конструкции, естественно, допустимы.

В (3) и (4) представлены типичные (непредельный) процесс и состояние соответственно, обнаруживающие предсказуемое поведение в рамках всех трех диагностических процедур. В (5) и (6) фигурируют глаголы, сочетаемостные свойства которых не приводят к столь же однозначному решению относительно их принадлежности к полюсу стативов или (непредельных) процессов, следовательно, они располагаются на некотором отдалении от обоих. Относительно первой из рассмотренных здесь диагностических процедур (делимитативная деривация) выше было показано, что она не обладает желаемой категоричностью при отделении стативов (глаголов-состояний) от агентивов (глаголов-непредельных процессов). К этому можно добавить, что и другие две диагностические процедуры (наличие значения предстоящего действия у граммы НАСТ.НЕСОВ и сочетаемость с фазовыми глаголами) также не могут, по результатам проведенного анализа, претендовать на роль “абсолютного критерия” для разграничения этих двух акциональных классов (см. также (5) и (6), где наличествуют различные комбинации приемлемых и неприемлемых сочетаний по трем диагностическим процедурам).

Поскольку в число непосредственных задач данного исследования не входило “выстраивание” стативно-агентивного континуума с (возможным) выделением промежуточных групп в его рамках¹³, ограничимся констатацией того положения, что выделение двух отдельных классов среди русских непредельных глаголов не имеет (на мой взгляд) существенных и бесспорных преимуществ (для акциональной классификации) по сравнению с их невыделением в рамках одного класса непредельных глаголов. В литературе по данной проблематике можно найти суждения, в которых целесообразность раздельного рассмотрения состояний и (непредельных) процессов также ставится под сомнение. Например: «Если мы будем основывать свое описание исключительно на мереологическом понятии “квантованности” (и даже если мы добавим “временную протяженность”) и не будем включать “изменение”, различие между состояниями и процессами невозможно будет обозначить. Согласно Баху (см. [19, р. 68]. – Е.Г.), исследователю, который применяет в основном мереологические критерии для характеристики типов ситуаций, границу между состояниями и (непредельными) процессами провести затруднительно» [15, р. 110].

¹³ В [27, с. 122–151] находим анализ Т(аксономических)-категорий русских глаголов *imperfectiva tantum*, основанный на учете их сочетаемостных особенностей, результат которого является, по сути, таким континуумом.

С другой стороны, представление русских непредельных глаголов в виде стативно-процессного континуума с двумя экстремумами (прототипические состояния-стативы и прототипические процессы-агентивы) и анализом промежуточных подклассов, характеризующихся постепенным нарастанием процессности при удалении от стативного полюса, также решает определенные задачи, поскольку позволяет (при употреблении соответствующих ярлыков применительно к глагольной лексеме) предсказать сочетаемостные, деривационные и аспектуальные (на уровне частных значений) особенности ее функционирования.

Отвечая на вопрос, вынесенный в заглавие этой статьи, с уверенностью можно говорить об отсутствии дихотомии состояния – (непредельные) процессы в русском языке. Что касается двух остающихся возможностей, то оба подхода имеют право на существование в зависимости от задач описания и избранного “масштаба”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Janda L. Aspectual clusters of Russian verbs // *Studies in Language*. 31: 3. P. 607–648.
2. Janda L., Korba J. Beyond the pair: Aspectual clusters for learners of Russian // *Slavic and East European Journal*. 52: 2. P. 254–270.
3. Недялков В.П. Основные типы начинательных глаголов: инхоативы, ингрессивы, инцептивы // *Языковое общение и его единицы*. Калинин, 1986.
4. Vendler Z. *Verbs and Times* // *Linguistics in Philosophy*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1967.
5. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // ВЯ. 1986. № 2.
7. Мелиг Х.Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV. М., 1985.
8. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т. 7. 1948. С. 303–316.
9. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
10. Апресян Ю.Д. (ред.). *Языковая картина мира и системная лексикография*. М.: Языки славянских культур, 2006.
11. Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.
12. Miller J.E. *Stative Verbs in Russian* // *Foundation of Language*. 1970. Vol. 6. P. 488–504.

13. *Козинцева Н.А.* Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л., 1991.
14. *Лютикова Е.А., Татевосов С.Г., Иванов М.Ю., Пазельская А.Г., Шлуинский А.Б.* Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.
15. *Filip H.* Aspect, Eventuality Types and Noun Phrase Semantics. Garland Publishing, New York, 1999.
16. *Comrie B.* Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
17. *Bach E.* The algebra of events // *Linguistics and Philosophy* 9, 1986.
18. *Kratzer A.* Building Statives. Berkeley Linguistic Society 26, 2000.
19. *Bach E.* On time, tense, and aspect: An essay in English metaphysics // *Cole P. (ed.) Radical Pragmatics.* New York: Academic Press, 1981.
20. *Krifka M.* Nominal reference, temporal constitution and quantifications in event semantics // *Bartsch, R., van Benthem, J., and van Emde Boas, P. (eds.) Semantics and Contextual Expression.* Dordrecht: Foris Publications, 1989.
21. *Krifka M.* Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // *Sag I., Szabolsci A. (eds.) Lexical Matters.* Standfort: SCLI Publications.
22. *Katz G.* Stativity, genericity and temporal reference. Ph.D. Dissertation. University of Roshester, 1995.
23. *Rothstein S.* Structuring events: a study in the semantics of lexical aspect. Maldeburg (Mass.): Blackwell publishing, 2004.
24. *Taylor B.* Tense and Continuity // *Linguistics and Philosophy* 1–2, 1977.
25. *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.
26. *Касевич В.Б.* Элементы общей лингвистики: Введение в языкознание. СПб. (в печати).
27. *Падучева Е.В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянской культуры, 1996.
28. *Горбова Е.В., Малов Е.М.* Делимитативная и пердуративная деривация как показатель акциональной характеристики русских непроизводных глаголов. СПб., 2008. Фрагмент отчета по гранту НТП: Развитие научного потенциала высшей школы «Исследование языковой компетенции и “языкового самоощущения” различных слоев российского общества» № 2.13.5037 за первую половину 2008 г. Размещено по адресу <http://www.genling.nw.ru/Staff/Gorbova/delimit.pdf>.
29. *Анресян Ю.Д.* Принципы описания значений граммем // *Храковский В.С. (ред.) Типология конструкций с предикатными актантами.* Л., 1985.
30. *Гловинская М.Я.* Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Азбуковник, Русские словари, 2001.
31. *Богданов В.В.* Фазисность и фазисные конструкции // *Храковский В.С. (ред.) Типология конструкций с предикатными актантами.* Л., 1985.
32. *Падучева Е.В.* Дискурсивные слова и категории: режимы интерпретации // *Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе / Отв. ред. В.А. Плунгян.* М., 2008.